

Р. П. ДМИТРИЕВА

**К вопросу о месте «Повести некоего боголюбивого мужа»
в литературном развитии XVI—XVII вв.**

«Повесть некоего боголюбивого мужа» дошла до нас в единственном списке в составе сборника XVII в. Многие вопросы относительно ее содержания, времени написания, значения остаются открытыми. Те небольшие замечания, которые были сделаны исследователями по поводу «Повести», содержат между собой некоторые расхождения.

Текст «Повести некоего боголюбивого мужа» впервые был обнаружен М. П. Погодиным в рукописном сборнике его собрания и опубликован им.¹ Перед текстом М. П. Погодин поместил краткую заметку, где высказал соображения по поводу «Повести». Он считает, что содержание «Повести» обращено к Ивану IV, но смысл послания Грозному в «Повести» высказан в иносказательной форме. Текст, опубликованный в «Москвитянина», по сравнению с рукописным содержит незначительные ошибки в написании отдельных слов, появившиеся в связи с неточным прочтением текста рукописи.

«Повесть» из «Москвитянина» была перепечатана Ф. И. Буслаевым в его «Исторической хрестоматии...».² Вслед за текстом были помещены примечания, где Ф. И. Буслаев коротко высказал свой взгляд на «Повесть». Он, как и М. П. Погодин, на основании заглавия относит ее ко времени Ивана IV и замечает, что в ней выступают враждовавшие в царствование Ивана IV партии, но существо политической стороны содержания «Повести» он не раскрывает.

Позднее, по преимуществу в общих курсах древнерусской литературы, были высказаны некоторые мнения по поводу «Повести некоего боголюбивого мужа».

П. Н. Сакулин,³ связывая содержание «Повести» с деятельностью Ивана IV, относит ее к числу публицистических произведений с некоторым налетом житийного стиля. «Повесть», по его мнению, аллегорически изображает события времени Грозного, хотя и не указывает, какие именно.

В большинстве случаев действующих лиц «Повести» исследователи связывают с конкретными лицами эпохи Грозного. Так, И. Порфирьев впервые высказал мысль, что под чародеем, выведенным в «Повести»,

¹ Повесть о волховании, написанная для царя Ивана Васильевича Грозного. — Москвитянин, М., 1844, № 1, раздел «Материалы для истории русской словесности», стр. 246—249.

² Ф. Буслаев. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861, столб. 877—884.

³ П. Н. Сакулин. Русская литература, ч. 1, М., 1928, стр. 159—161.

надо понимать медика Бомелия, а под царем — Ивана Грозного.⁴ Эту мысль поддерживает и В. С. Иконников.⁵ «Повесть» он прямо называет «Повестью о Бомелие некоего боголюбимаго мужа». Свой вывод о «Повести» В. С. Иконников основывает на сравнении текста «Повести» с рассказом о Бомелии (Елисее) в Псковской летописи.

В. А. Келтуяла в героях «Повести» не видит конкретных лиц времени Грозного, но появление ее связывает с дворянской средой и считает, что по идеям она во многом перекликается с произведениями Пересветова.⁶

К мнению В. А. Келтуялы близок И. У. Будовниц,⁷ но его точка зрения более обоснованна. Появление «Повести» он тоже связывает с дворянской средой и также считает, что по идеям она близка Пересветову. Главное содержание «Повести», по мнению И. У. Будовница, заключается в апологии самодержавия. Боярство заклеено в «Повести» и представлено в виде чародеев. И. У. Будовниц считает возможным под главным чародеем, выведенным в «Повести», подразумевать конкретное лицо и видеть намеки на конкретные события. Он думает, основываясь на заглавии, что содержание «Повести» передает факты, случившиеся в Русском государстве до смерти митрополита Макария. Поэтому, по мнению И. У. Будовница, в чародее нельзя видеть ни Бомелия, ни опричников: чародей — Сильвестр, и события в «Повести» надо связывать с деятельностью и падением «Избранной рады».

Таким образом, все исследователи «Повести некоего боголюбивого мужа» убеждены, что появление ее и отражение в ней исторических событий связано с эпохой Грозного. При этом некоторые исследователи видят в «Повести» отражение истории голландского врача Бомелия и, следовательно, все содержание «Повести» сводят к изображению чародейства и борьбы с ним. Большинство же исследователей видит в «Повести» отражение идеологии, защищающей интересы дворянства. И. У. Будовниц в этом отношении идет дальше всех, связывая содержание «Повести» с деятельностью и падением «Избранной рады».

На основании данных одного списка «Повести» трудно решить вопрос, кто из исследователей ближе стоит к истине и правы ли они вообще, относя это произведение к эпохе Ивана IV. Однако наблюдения над этим единственным списком все же позволили сделать ряд предположений.

Список «Повести некоего боголюбивого мужа» находится в сборнике в 4-ку ГПБ из собрания Погодина № 1570. Рукопись в хорошем состоянии. В сборнике — 247 заполненных листов и в конце 3 листа чистых. Весь сборник написан почерками XVII в., по преимуществу скорописью: с л. 1 по л. 221 об. — скорописью первой половины XVII в., на лл. 190—221 об. — несколько другие чернила, и статья, помещенная на лл. 194—201 об., написана более небрежно и крупным почерком, возможно, и другим писцом; л. 222 и до конца — другой почерк, тоже скоропись XVII в. Одна статья в этой части сборника, на лл. 235—242 об., отличается почерком, близким полууставу. И по водяным знакам видно, что сборник составлен, по крайней мере, из двух рукописей. На листах первой рукописи водяные знаки — кувшинчики несколько отличной друг от

⁴ И. Порфирьев. История русской словесности, часть 1. Древний период. Казань, 1891, стр. 601.

⁵ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1814.

⁶ В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. 1, кн. 2. СПб., 1911, стр. 621—624.

⁷ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 218—221.

друга формы. На листах статьи, писанной почерком, близким полууставу, — тоже водяной знак кувшинчик. Во второй же рукописи водяной знак чаще всего — герб, только на лл. 243—247 об. — кувшинчик. Таким образом, ясно, что сборник составлен если не из трех, то из двух самостоятельных рукописей. Интересующая нас статья находится в первой рукописи.

«Повесть некоего боголюбивого мужа» занимает лл. 41 об.—46. Заголовок написан точно так же, как вся «Повесть», только начало «Повести» помещено несколько отступя от заголовка. Водяной знак — кувшинчик с одной ручкой с буквами «I B», на крышке — корона, увенчанная полумесяцем. Близкие по своим очертаниям филигранные относятся к первой половине XVII в. или к самому концу XVI в.

Часть сборника, в которой находится «Повесть некоего боголюбивого мужа», в первом, меньшем, разделе состоит из статей, посвященных сюжетам по преимуществу житийно-повествовательного характера. Во втором разделе содержатся статьи, посвященные событиям первой четверти XVII в., по преимуществу исторического содержания, и документальные материалы (грамоты). Все эти статьи составлены не позднее 1619 г., многие из них относятся ко времени Василия Шуйского. Тематический подбор статей, посвященных событиям XVII в., позволяет думать, что все они, видимо, входили в единый сборник, составленный в начале XVII в. Статьи, не относящиеся к событиям начала XVII в., преимущественно помещены или в начале рукописи, или в конце. Кроме «Повести некоего боголюбивого мужа», в этой части сборника есть еще «Послание турецкого султана Ивану Грозному» и ответное послание Грозного. Однако это не произведение эпохи Грозного, а «подложная дипломатическая переписка», сочиненная, по-видимому, в первой четверти XVII в.⁸

Первой статьей, относящейся к началу XVII в., является «Повесть о видении некоему мужу духовну». Вслед за ней помещен отрывок из Печерского патерика и «Странник Иерусалимский». Затем следует «Повесть некоего боголюбивого мужа», после которой помещен ряд статей, рассказывающих о событиях начала XVII в. и занимающих большую часть рукописи.

Такой состав рукописи и расположение статей в ней заставляет задуматься над вопросом: не следует ли и «Повесть некоего боголюбивого мужа» включить в число произведений, созданных или бытовавших в начале XVII в.?

Основываясь на данных, имеющихся в названии «Повести», ее как будто бы следует относить ко времени Ивана Грозного и митрополита Макария, что и делалось всеми исследователями. Содержание «Повести» с ее основным выводом о характере царской власти, ее публицистическая направленность — все это близко эпохе Ивана Грозного и, в частности, во многом перекликается с Посланиями Ивана Пересветова. Однако по своей литературной форме «Повесть» отличается от сочинений XVI в., для которых характерно стремление все излагаемые факты приурочивать к конкретным историческим событиям и связывать их с определенными историческими лицами;⁹ это наблюдается и в произведениях с аллегориче-

⁸ М. Д. Каган. Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 248.

⁹ Для XVII в. характерен переход от исторически определенного имени героя к вымышленному. См. об этом: Д. С. Лихачев. От исторического имени литературного героя к вымышленному. — ИЮЛЯ, т. XV. М., 1956, в. 3, стр. 201—214.

ческим содержанием, какими являются, например, Послания Пересветова. В «Повести некоего боголюбивого мужа», за исключением названия, всякая конкретизация снята: герои не имеют имен, неизвестно ни время, когда происходят события, ни государство, в котором они совершаются.

Содержание «Повести» как будто бы основано на идеях, общих всему средневековому мировоззрению: в ней показана борьба сил, которые руководят человеком, в том числе и царем. Единство «Повести» определяется строгим подчинением всего изложения одной основной мысли — надо жить по заповедям божьим и никогда не отступать от них ни при каких обстоятельствах. Но проведение этой мысли через всю «Повест» не является самоцелью. «Повесть» — не абстрактно-моральное поучение. Эта мысль является как бы основой для автора, который связывает с ней более конкретную идею — об ответственности царя перед богом за управление страной. Такая особенность идейного содержания «Повести» нашла отражение и в заглавии, составленном явно в поучительном тоне, с обращением как к царю, так и ко всем остальным христианам.

Изложение повести просто и компактно, умело подчинено основной цели. Сначала в «Повести» говорится, что царь был могуч и страшен для врагов, так как бог помогал ему. Потом царь попал под влияние чародея, и в стране установилось полное беззаконие. Дальше описано, как бог наказал царя за это и как, снова уверовав в бога, царь опять приобрел силу. Подробно описан кульминационный момент: царь, осознав свое критическое положение, обратился за помощью к богу: он бросился к ложнице, оставив царицу за дверьми, плакал, обращался к богу и вымолил прощение. «Повесть» кончается кратким описанием победы над врагами и возвращением царя в столицу.

Основная идея «Повести некоего боголюбивого мужа» близка многим произведениям времени «Смуты» или посвященным «Смуте». События того времени в литературе о «Смуте» расценивались как наказание свыше за нарушение заповедей бога и правителями и народом.

Отметим моменты, которые показывают, что «Повесть некоего боголюбивого мужа» созвучна в этом отношении произведениям начала XVII в. Во «Временнике» Тимофеева осуждается Иван Грозный за то, что пригласил врачей и тем самым доверился иностранцам: «И сим земли всей велик раскол сотвори и усомневатися всем в мыслех своих о бываемом; бога самого премилостиваго ярость на себе разже...». ¹⁰ Автор «Плача о пленении и о конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства» причины неурядиц видит в грехах монархов и всего народа. Монархи, уклонившись от православия, отошли к волшебствам и чарованиям. Они окружили себя пагубными советниками, слушали клеветы, стали жестокими. ¹¹ «Иное сказание» рассказывает, как Борис Годунов обращался к звездочетцам, чтобы узнать, будет ли он царем. Автор осуждает безумие Годунова, забывшего, что всем управляет бог. ¹²

По своим стилистическим особенностям и по построению «Повесть» близка к «Повести о видении некоему мужу духовну», ¹³ помещенной

¹⁰ Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени. — РИБ, т. XIII, изд. 2-е. СПб., 1909, стлб. 272.

¹¹ РИБ, т. XIII, стлб. 219—234.

¹² РИБ, т. XIII, стлб. 10—11.

¹³ В жанре «видения» были написаны в начале XVII в. «Повесть о видении мнху Варлааму в Великом Новгороде» и «Повесть о чудесных видениях в Нижнем Новгороде и Владимире» (РИБ, т. XIII, стлб. 235—247).

выше в той же рукописи. Особенно чувствуется эта близость в заголовках и вводной части «Повести о видении».

Повесть некоего боголюбивого мужа, списана при Макарии митрополите царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии, да сие ведяще, не впадете во злыя сети и беззакония от злых и прельщенных человек и губительных волков, нещадыше души, ей же весь мир недостои; прочатше же сие, челоуцы, убоитесь чары и волхования, творящей скверная богу, и грубая и мерская и проклятая дела.

Список с повести о видении некоему мужу духовну. Моление святые богородицы и всех святых за все православное христианство. «Некоторому мужу духовну явися таково видение во сне, и той муж то видение сказал Благовещенскому протопопу Терентью. И по его скаскам Терентей писал у нево, и то письмо написал, да отдал патриарху, ца и царю сказывал...

Благочестивому царьскому сигклиту и христоробивому воинству и всему православному христианству Руского народа. Послушайте божия милости к нам, грешным, повести сия: дивно и zelo полезно к нынешнему роду лукавому и непокоривому и отбегшию божия милости и уклонившемуся от заповедей его святых и впадшему в сети дьяволя много различных.¹⁴

По своему построению вводная часть «Повести о видении» близка обстоятельному заголовку «Повести некоего боголюбивого мужа». В одном случае упоминается «некоторый муж духовный» как автор рассказа, в другом — «боголюбивый муж». В той и другой повести указывается, когда случилось событие. В «Повести о видении» говорится, что она предназначается царю и всем христианам, «Повесть некоего боголюбивого мужа» «списана для царя»; этими указаниями подчеркнут назидательный характер повестей.

Повести близки между собой и по мотивировке событий: отступление от «божьих заповедей» в той и другой повести привело к тяжелому положению царя и государства, навлекших на себя гнев самого бога. Авторы обеих повестей видят спасение в покаянии. В «Повести о видении» с мольбой к богу о прощении обращается богоматерь, в «Повести некоего боголюбивого мужа» — царь.

Автор «Повести о видении некоему мужу духовну», протопоп Терентий, известен еще как автор посланий Лжедмитрию I.¹⁵ В своем втором послании он обращается к царю с требованием поступать соответственно законам, которые установил бог: «Аще ходиши по заповедем моим и твориши волю мою во вся дни живота своего и разсудиши люди моя в правду, дам ти сердце смысленно и мудрость... и дам ти одоление на враги».¹⁶ В этом послании проводится та же мысль, что и в повестях: об ответственности царя перед богом за свои проступки. Именно для литературы начала XVII в. характерно обсуждение поведения царей.

¹⁴ Мы привели во втором столбце текст начала «Повести о видении некоему мужу духовну» по рукописи ГПБ, О.IV.17, лл. 4, 284, 285. Этот сборник составлен из патриарших и царских грамот за время Бориса Годунова и Василия Шуйского, т. е. по составу близок рукописи Погодина 1570. В рукописи же Погодина 1570 «Повесть о видении» открывается словами: «Повесть сия есть дивно и zelo полезно нынешнему роду лукавому и непокоривому и отбегшему от божия милости и уклонившемуся от заповедей его святых и падшему в сети дьяволя много различных», л. 29.

¹⁵ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888, стр. 56—59.

¹⁶ ГПБ, О.IV.17, л. 241.

В XVI в. литературные произведения, касаясь проблемы царской власти, или говорили о ее характере, или, самое большее, давали советы, подкашивали решения царю.¹⁷

Можем ли мы на основании приведенных данных отнести «Повесть некоего боголюбивого мужа» к произведению начала XVII в.? Заглавие «Повести» отсылает нас к событиям времени Ивана Грозного и свидетельствует, что текст его составлен позднее того времени, которое в нем же указано. Выше упомянуто было о некотором стилистическом сходстве заглавия нашей «Повести» с заглавиями некоторых повестей начала XVII в. Едва ли при Иване IV, которому предназначалась «Повесть», могли написать в заглавии: «Списана при Макарье митрополите царю и великому князю...»; в заголовке о времени написания «Повести» говорится в прошедшем времени. Если бы «Повесть» имела своим адресатом Ивана IV, то обращение к нему не могло быть составлено в такой форме.

Напомним, что статьи подложной переписки связаны с именем Ивана Грозного, что к началу XVII в. относится и «Повесть о двух посольствах», в которой также рассказано об Иване Грозном,¹⁸ и заметно влияние сочинений Пересветова, автора посланий Грозному.¹⁹ Дошедшие списки его произведений тоже относятся к XVII в.²⁰ Все это говорит о том, что в XVII в. был большой интерес и к идеям, высказанным Пересветовым и к личности Грозного. С рассказа об Иване Грозном начинается ряд произведений XVII в., посвященных истории «Смуты». В Хронографе редакции 1617 г. оригинальные русские статьи начинаются с царствования Ивана Грозного;²¹ первая глава «Временника» Тимофеева описывает царствование Ивана IV, с событий времени Грозного начинается и Повесть Катырева-Ростовского. Очевидно, тема Грозного была популярна в литературной традиции начала XVII в.

Таким образом, по своему содержанию, идеям и особенностям жанра «Повесть некоего боголюбивого мужа» ближе связывается с литературными явлениями первой четверти XVII в., чем времени Ивана Грозного.

¹⁷ Д. С. Лихачев. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 232—233.

¹⁸ М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 218—254.

¹⁹ Там же, стр. 230, 232—234.

²⁰ См.: А. А. Зимин. Археографический обзор. — Сочинения И. Пересветова М.—Л., 1956, стр. 78—120.

²¹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, в Л. М., 1869, стр. 117—119